

**Устные истории прикамских сел и деревень
в системе локального и семейного фольклора
(на материале современных записей)***

Как отмечают исследователи, память народа «способна хранить значительный комплекс событий и фактов, и поэтому в ней в конечном счете объективируется историческое... самосознание» [5, с. 4]. В то же время очевидно, что память эта имеет избирательный характер и выступает как «ценностный фильтр» (О. М. Фишман), в результате чего в исторических преданиях, топонимических и бытовых легендах, вообще в мифопоэтической традиции как таковой «сосредоточивается некая символическая реконструкция прошлого, а не хронологическая его последовательность» [4, с. 73]. Подобный материал дает исследователю возможность реконструировать так называемую «малую историю» (Н. А. Криничная) этнической, этнографической или локальной общности, необходимую для самосознания этой общности и ее существования «как историко-культурной единицы» [Там же, с. 74]. Современная социокультурная ситуация характеризуется размыванием традиционных этнических, конфессиональных и локальных идентичностей, чему в немалой мере способствует разрушение фольклорной системы; тем важнее, как нам кажется, отслеживать динамику жанров, воплощающих локальную историческую память.

Основная цель нашей работы — познакомить с некоторыми полевыми материалами, собранными в 2009–2011 гг. фольклорной экспедицией филологического факультета Пермского государственного научного исследовательского университета (рук. С. Ю. Королёва) на территории Чердынского района. Одна из частных задач заключалась в сборе сведений (фольклорных текстов, бытовых рассказов, комментариев и т. п.), отражающих локальное самосознание местных жителей; как своего рода

* Работа выполнена под руководством канд. филол. наук, доц. кафедры русской литературы Пермского государственного научного исследовательского университета С. Ю. Королёвой. Исследование проводилось при поддержке гранта РГНФ и Министерства промышленности, инноваций и науки Пермского края, проект № 10-04-82418а/У («Семейная обрядность Северного Прикамья (по следам фольклорных экспедиций И. В. Зырянова)»).

«микроуровень», сюда включались и представления о семейной истории. Собранные материалы позволяют показать актуальное состояние традиции, связанной с историческим фольклором, а также обнаружить вариативность и динамику тех легенд и преданий, которые ранее уже записывались на обследованных территориях.

На начальном этапе работы перед нами встала задача систематизировать то многообразие текстов, которое удалось записать. В отечественной фольклористике одним из авторитетных остается подход, реализованный в работах Н. А. Криничной, когда классификация строится с учетом основных сюжетов и мотивов, отнесенных к различным историческим персонажам и событиям. К нашему материалу, однако, оказалось целесообразнее применить классификацию, предложенную в работе Г. Н. Чагина «История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века» [5]. Автор основывается на *масштабности* исторических событий, которые легли в основу преданий и легенд: он начинает с представлений крестьян о событиях Священной и всемирной истории, постепенно переходя к историческим событиям общенационального и регионального значения (материалом служат тексты, известные по источникам конца XIX в., а также записи XX в. вплоть до 1990-х гг.). В число территорий, к которым приурочены рассмотренные сюжеты, входит и современный Чердынский район.

В задачи наших полевых исследований не входил сбор материалов, отражающих взгляд на библейские события и всемирную историю; в связи с этим записанные тексты можно распределить по двум основным группам: 1) предания и легенды, отражающие события общенациональной истории (и, заметим, всегда при этом непосредственно касающиеся данного региона); 2) предания и легенды, связанные с событиями локального масштаба (здесь речь идет в основном об истории конкретных сел и деревень — основании населенного пункта, первопоселенцах и т. д.). Именно во второй группе происходит иногда «пересечение» системы локального фольклора с фольклором семейным. Остановимся на каждой группе подробнее.

1. Исторический фольклор, основанный на событиях общенационального масштаба. Как справедливо отмечал Г. Н. Чагин, в сознании крестьян «выделялись и сохранялись те факты... общенациональной истории, которые каким-то образом соотносились с судьбами населения» [Там же, с. 150]. Наши записи позволяют говорить, что сегодня историческое событие остается в памяти местных жителей лишь постольку,

поскольку оно *напрямую* связано с их регионом и – конкретнее — с определенными населенными пунктами.

Хронологически первое значимое событие, которое отражено в собранных материалах, связано с **крещением Прикамья**; в устной истории его часто связывают с фигурой **св. Стефана Великопермского**. Подобный сюжет был зафиксирован, к примеру, в селе Бондюг, куда, по легенде, Стефан приплыл с верховьев Камы на большом камне; на этом месте выросло большое дерево и был поставлен крест, позднее перенесенный в часовню; в память о событии местные жители проводили на берегу молебны в честь святого [5, с. 98–99]. В записанной нами легенде фигура Стефана связывается с с. Большие Долды: *«А этот Стефан Пермский плыл на этом плотике, плыл до деревни Долдов, это все правда. Это и наши родители знали, и долдинцы... Он проповедовал всю эту веру христианскую. Они давай его камнями кидать. А Кама была тогда очень близко, почти на самом берегу жили. И вот стали кидать, и Кама отошла от них, и они без воды остались»* (А. А. Зарубина, 1939 г. р. Д. Усть-Уролка). Примечателен этиологический характер сюжета, объясняющего, почему жители Долдов «живут у воды, но без воды» (ближняя к реке улица расположена на крутом берегу с неудобным спуском).

Большое значение имеют для местных жителей истории о **русских первопоселенцах**, некогда пришедших сюда в поисках лучшей доли с других территорий; здешнее население произошло «от них», почему и называет себя «челдоны»: *«Беженцы все были, вот и челдоны»* (А. И. Изимбалюк, 1933 г. р., с. Пянтег); *«Так вот челдонами и звали тех людей. Я еще маленькая говорю: “Мама, почему челдоны?” — “Это на челнах плыли люди”. Вверх, говорит, поднимались, искали места, где обосноваться. Прозвали вот так вот челдоны»* (Р. М. Кушнина, 1949 г. р. Д. Амбор). Охотно рассказывает о них и мужская часть населения. Иногда появление русских поселенцев и основание ими новых деревень связывается с **сибирским походом Ермака**: *«Ермак плыл по Каме и высаживал больных на берег. Так и деревни появлялись»* (М. Е. Мазурова. Д. Усть-Уролка). В частности, считается, что оставшиеся здесь участники Ермакова похода, которые женились на местных девушках, основали две правобережные деревни, расположенные по соседству друг с другом, — Яранина и Коэпты (*«с четырех семей они начались»*).

Сохраняются в памяти жителей Чердынского района и воспоминания о том, что некогда у их предков была необходимость защищаться от неприятеля. По-видимому, из числа местных исторических преданий можно выделить обширную тематическую группу, имеющую отношение

к так называемому «*татарско-вогульскому следу*». Известно, что на протяжении XV–XVI вв. Чердынь и ее окрестности не раз подвергались нашествию воинственных манси и сибирских татар; один только чердынский кремль за время своего существования (с 1535 г.) выдержал 11 серьезных осад [1, с. 4]. Крупные по местным меркам сражения происходили и в других селениях (Искор, Урол и др.), включая территорию современного Соликамского района (д. Верх-Боровая, г. Соликамск). В Чердынском районе битвы с татарами и вогулами до сих пор вспоминают, при этом зачастую соотносят их с татаро-монгольским нашествием XIII в., поскольку это событие известно современным жителям много лучше из школьного курса истории. «Татары» двух разных исторических эпох смешиваются друг с другом и с «вогулами» (манси) — аборигенами края. В результате они нередко предстают в обобщенном, исторически не конкретизированном образе «каких-то врагов»: «*Когда-то давно там, видимо, была большая битва, какие-то враги к ним пришли*» (д. Амбор).

Особенно часто это происходит в преданиях, записанных в юго-западной части района (вдоль р. Камы), — удаленной, по-видимому, от основных мест сражений. Здесь образы врагов выступают иногда в «сниженном» виде (они глупы, их удастся обмануть); не исключено, что сюжеты эти восходят к исторически более ранним временам (возможно, имеют коми-пермяцкое происхождение) и лишь позднее связываются с событиями XVI в. Вот предание о «*темном лесе*», которое было зафиксировано Г. Н. Чагиным в с. Большие Долды в 1972 г.: «Когда на нашу деревню шли татары, лес-то на другом берегу они приняли за больших людей. Да по дороге они нашли еще берестяной пестерь. Долго рассматривали пестерь и решили, что это лапоть местных жителей. <...> Врагов охватил неописуемый страх. Большой лапоть и рослые люди-богатыри — разве устоишь против такой силы. Татары побоялись разгрома, собрали свои приготовления и уплыли вниз по Каме. Стороной обошли Большие Долды и напали на Тарново» [5, с. 116]. По свидетельству собирателя, в память об этом событии жители берегли прибрежный лес от пожара, не разрешали вырубать в нем ели и пихты. Примечательно, что точно такую же историю рассказывали и в д. Найденово, расположенной выше по течению; здесь старики охраняли другой «*темный лес*» [Там же].

В 2000-е гг. это предание зафиксировано в виде двух самостоятельных сюжетов; один из них приурочен к д. Малые Долды: «*А вот на Малую-то Долду тоже шли, я это тоже слыхала... Ходит это <один из врагов> и увидел пестерь <...>. Его увидел, пришел и говорит им: “Ой, какие там люди большие, я видел там лапоть большущий-большущий!”*

И воротились, не пошли» (В. Г. Калинина, 1931 г. р., род. в Малых Долдах, проживает в д. Амбор). Второй сюжет связывается с д. Амбор, а точнее, с местом «у пихтов», расположенным неподалеку от деревенской окраины: *«Вот только слышала, опять тоже от мамы, что там вот за деревней пихты росли, большие, дак сюда, говорит, в саму деревню не зашли <враги>, забоялись, что здесь очень крупный народ... Вот эти пихты даже хранили, не разрешали валить»* (Р. М. Кушнина. Д. Амбор).

По сообщению бывшего учителя истории О. И. Новиковой из с. Пянтег, в начале 2000-х гг. она слышала от старожилов-амборцев о битве, произошедшей когда-то в окрестностях деревни: *«Там есть место, где даже выкапывали кольчуги и стрелы. И на том месте, видимо, где убитых похоронили, в лунную ночь люди слышали разные звуки. Как будто кони стучат копытами, люди кричат, раненые, видимо, стонут да что...»* К сожалению, во время нашей работы в Амборе записать подобный сюжет уже не удалось. Некоторые отголоски суровой исторической эпохи, связанной с угрозой набегов, сохраняются и в с. Пянтег. Здесь на берегу Камы расположена деревянная Богородицкая церковь-часовня, предположительно 1617 г. постройки. Некоторые местные жители (особенно мужчины) склонны считать, что первоначально это была смотровая башня с видом на реку, откуда могла прийти потенциальная угроза: *«Эта башня от старости уже оседает в землю. Она ведь выше была. Она осела, ушла в землю на длину дверей, говорят. Эти-то двери потом уже вытилили»* (В. П. Патрушев, ок. 50 лет, с. Пянтег).

В центральной части района «татарско-вогульский след» выражен более отчетливо. С ним, в частности, связывается предание о кладе, якобы зарытом в лесу, на месте под названием Городище (в окрестностях заброшенной д. Кушпелева): *«...Может быть, здесь какое-то городище древнее было, я вот это не знаю. <...> Раньше коровы паслись там, так вот ходили. “Куда пошли?” — “На Городище искать”. И там по Городищенской тропе... там бабка одна у нас была, она все рассказывала. Вот эти татары были тут какое-то время, вот татары приходили, грабили людей и прятали где-то, какие-то клады были. А вот там да за кляпой березой»* (Г. С. Орловская, 1940 г. р., род. в д. Кушпелева, проживает в пос. Рябино).

Гораздо чаще, однако, в записанных здесь преданиях говорится о сражениях с татарами. Так, в соседней с Кушпелевой д. Урол рассказывают о битве на поле Побойще, после которой жители покинули разрушенное врагами поселение (бывший городок Урос, сейчас так называемый Пустой Урол) и основали новую деревню неподалеку от прежнего

кладбища: *«Поле называли Побоище. Говорили, что вот татары воевали. [А с кем?] Так с русскими. Говорили, что находили там боевые доспехи, кольчуги, наконечники. <...> И говорят, что на том месте город Урос был. Русский. И вот в <новой> деревне-то, в Уроле, где живем, где дом наш был, гора маленька. Там находили... Чемов заспорил с мужиками... заспорил в праздник летом, что вот здесь черепа человечки, здесь люди похоронены. И он выкопал два черепа. Мама рассказывала. <...> Прямо в деревне. Видать, там Урос был, город, а захоронение было здесь, потому что в городе мало хоронят, все равно хоть километр»* (сестры А. М. Королева, 1935 г. р., и В. М. Чистюхина, 1939 г. р., род. в д. Урол, проживают в пос. Рябинино).

На представления жителей д. Урол о своей истории отчасти влияют печатные источники; примечательно, что и в этом случае знания носят размытый характер, типичный для фольклорного мышления. В одном из подобных рассказов в качестве врага фигурирует «чудь» (так в популярной литературе называют иногда исконное коми-пермяцкое население): *«У нас тут даже часовня есть из Пустого Урولا, где чюдь наступала. В этой часовне потом работал магазин, он закрылся... <...> Про чюдь это мы в книжке читали, у нашего папы была книжка, не помню, как называлась. <...> Побоище за Пустым Уролом. Чудь-то там проходила, и была битва. А потом из Уроса сюда переселились люди...»* (Л. Н. Макарова, 1953 г. р., д. Урол). Примечательный в этом отношении вариант предания был записан от знатока местной топонимии, бывшего колхозника А. Н. Загородских (1941 г. р.); здесь происходит контаминация двух популярных исторических сюжетов и наступавших «с Чердыни» вогулов разбивает Ермак: *«Ну тут это когда вогулы... Они все шли с Чердыни. Все разгромили. Это во времена Ермака. А побоище, видимо, было дальше немного, потому что оно и называется Побоищем. Такой там холм, а шас там лесом все заросло... <...> Пушки находили, ну эти, на спину привязывались человеку... Стреляли ядрами. Все по этой территории как шли, так и громили их. [Получается, что наши победили?] Да конечно! Ермак-то шел. Он тут где-то как раз проходил. Ну, он шел в Сибир и все это расчищал. Даже в Сибир ходил. Там и татары, и все вместе было, все сборишше»*.

С памятью об интересующих нас событиях связано предание о «русском» и «татарском» лесах. Сюжет этот относится к старинному селу Искор и находящимся рядом с ним двум небольшим рощам, известным еще по источникам XIX в. По сведениям Г. Н. Чагина, население называло их также *островками*: ближний «русским» или «убиенным»,

дальний — «татарским» или «чудским»; считалось, что защитники Искора, павшие в битве с неприятелем, похоронены в ближнем [5, с 102]. Материалы наших экспедиций позволяют говорить, что сведения эти сохраняются по сей день: *«Русский и татарский лес. Там кладбища были. Там даже часовенка в русском лесу, крест был. Говорят, туда раньше на праздник какой-то ходили»* (А. М. Королева, пос. Рябиново). Помнят местные жители и о сражении (при этом леса упоминаются как места дислокации двух войск): *«...там воевали татары с русскими, в одном лесу русские заседали, в другом татары»* (С. Пешехонов, с. Искор). Источники XIX в. содержат сведения об одном из персонажей — участнике сражения. Уральский историк А. А. Дмитриев в работе 1881 г. кратко упоминает о «битве русских с татарами при каком-то князе Коре» [1, с. 7]; подробнее излагает это предание В. Попов в 1891 г.: «Услыхал он <царь Кор> однажды, что недалеко от его городка грабят и жгут селения ногайские татары. Он собрал... людей, вооружил их и послал навстречу ногайцам, чтоб не допустить последних до Искора. <...> Отряд Кора был разбит; ногайцы преследовали бежавших искорцев, подступили к их городку и осадили его. Искорцы... срубали и катали на осаждавших бревна, бросали в них камень и т. п., но наконец ослабели. Ожесточенные ногайцы, взяв городок, перебили всех жителей и самый городок разрушили» [5, с. 102]. В записях 2000-х гг. содержатся лишь отрывочные упоминания о защите Искорского городища: *«...когда татары поднимались на эту гору, они <искорцы> сбрасывали туда бревна, склон довольно крутой был»* (Н. Я. Уварова, 1942 г. р., с. Искор). Однако предание о Коре здесь все еще бытует: *«Когда татары напали, Искор был там, где Узкая Улочка. И тяжело стало искорятам отбиваться. И послали этого, полковника, за подмогой куда-то там в Чердынь. Она же круче была, чем Пермь, в те времена. И где-то он здесь в этих местах... <пропал>. У него фамилия Кор была. Вот и стало Искор — “искали Кора”»* (С. Пешехонов, с. Искор). Зафиксированный вариант интересен тем, что включает в себя так называемую народную этимологию топонима Искор (в действительности название произошло от коми-пермяцкого «из + кар» — «каменное городище») и встраивается тем самым в ряд топонимических преданий.

2. Исторический фольклор, связанный с событиями локального масштаба. Фольклорная *история основания* многих населенных пунктов «производится» нередко от того значения, которое местные жители вкладывают в их названия (обычно имеющие коми-пермяцкое происхождение и потому непонятные). Путем так называемой народной этимологии объясняется, к примеру, наименование старинного села Пянтег,

созвучное русскому слову «пенек». Записанные предания и легенды об основании Пянтега связываются поэтому с неким пнем: *«Пянтег, это я слыхала или в книжке читала, как поселились с самого начала, был тут такой пень большой – большущий пень, вот на этом пне и поселились»* (В. Г. Калинина. Д. Амбор).

Два различных сюжета, услышанных от старожилов, пересказала О. И. Новикова: *«...будто бы раньше жил какой-то мужчина, он жил в другом месте, и у него сгорел дом. Он отправился по реке искать новое место для дома и нашел здесь на берегу подходящее. Оно было на возвышении и, видимо, показалось ему похожим на большой пень. И он решил основать здесь село»*. Второй сюжет носит легендарный характер и объясняет причину постройки деревянной Богородицкой церкви: *«Здесьние жители плохо верили в Бога. Они ведь и крещение не хотели принимать, все отказывались да отказывались. И даже когда их крестили, они плохо молились, а грешили много. И Господь послал им наказание: начался у них падеж скота, засуха, неурожай, детей мало рождалось, стали умирать от болезней. И им сказали, что для прощения, чтобы эти беды закончились, они должны построить церковь. Пянтежане согласились, но начали спорить, где ее ставить. Спорили-спорили, так и не выбрали место, разошлись по домам. А здесь Большой родник из берега бьет, знаете? Утром женщины пошли туда полоскать белье и увидели, что в этом месте к берегу приплыл большой пень, а на нем — икона Божьей матери. Тогда они и поняли, где им церковь строить и какую»*.

Различные объяснения даются и названию д. Амбор (примечательно, что в обоих случаях оно воспринимается как результат фонетического искажения): *«Слыхала так: был здесь бор, жила Анна. Надо было на Анбор — “Аннин бор”, а назвали Амбор»* (В. Г. Калинина. Д. Амбор); *«Сначала здесь типа амбаров были, стояли домики. Ну, амбары. И вот потом постепенно стали селиться люди, стали строить дома, и вот так вместо амбаров стал Амбор. Ударение по-другому сделали»* (Р. М. Кушнина. Д. Амбор).

Сохраняется в некоторых деревнях и память о *первопоселенцах* (повидимому, реальных лицах). Так, название старообрядческой в прошлом д. Корнино местные жители производят от имени Корнила: *«Когда Кама сменила русло, по ней сюда люди приплыли, Корнил и Макар. По имени первого назвали деревню, а первой фамилией в деревне была Макаровы»* (М. С. Михалева, 1929 г. р. Д. Корнино); *«А чего-то слыхала, что Корнил жил, и от этого, видимо, назвали. Ничего о нем больше не знаю»* (К. С. Михайлова. Д. Корнино).

В некоторых случаях легенды и предания об основании деревень либо о сакральных объектах (обычно часовнях) существует одновременно в двух системах — как часть локального и *семейного фольклора*. В определении последнего мы склонны согласиться с И. А. Разумовой, которая разделяет «фольклор семьи» как «совокупность традиционных текстов, бытующих в отдельно взятой семье», с одной стороны, и «семейный фольклор», т. е. «специфические разножанровые тексты, семантика и функции которых определяются осмыслением феномена родства, самознанием группы и формами семейного уклада», — с другой [3, с. 20–21].

В нашем случае сюжеты о локально значимых событиях и явлениях становятся частью семейного фольклора тогда, когда в нем фигурируют представители старших поколений (прадеды, деды, реже — родители) из семьи информанта. Такова, к примеру, легенда об основании д. Кушпелева: *«Мама рассказывала, по преданиям еще дедов, как наша деревня возникла. Сначала был построен один домик только, за речкой. А потом, ходили же в Чердынть да че, переходили дорожку, тропинки все равно были в эту сторону. Они пошли один раз, на пне обнаружили икону. Они посмотрели — это была икона Успенья Божьей Матери. Они взяли эту икону, унесли домой. Через какое-то время кто-то снова пошел и снова обнаружил эту икону, опять на этом же пне. И они решили переселиться с той стороны, с бора, переселиться выше. Здесь они разработали поля, построили часовню. И вот эту часовню назвали тоже в честь иконы Успенья Божьей Матери. <...> Как начали строиться, Ивановы строились к северу <от часовни>, а Дутловы — к югу. И у нас вроде как был Дутловский конец и Ивановский конец. Мама у меня была Иванова, а папа дутловский. Там многие потом пережились»* (Т. Я. Мовчан (Дутлова), 1941 г. р., род. в д. Кушпелева, проживает в пос. Рябиново). Важно подчеркнуть, что в числе нескольких семей, которые основали деревню, был и дед информантки, вынужденный отделиться от своего отца, чтобы разработать новые пахотные земли. Сегодня легенда об основании Кушпелевой функционирует исключительно как часть семейной истории переселенцев, потому что деревни больше не существует.

В пос. Рябиново нами была записана легенда следующего содержания: *«Раньше в праздник, мама говорила, бабы стряпают, мужики идут Богу молиться. Мама все говорила, вот зимой ходили в эту часовню... Идут наши старики, мужики ли, смотрят, уже там свет горит, поют. Он говорит: “Погляди, вахрушата уже вперед нас пришли, поют”. Зашли, а там никого и ничего нет. А то шли — огонь горит, поют. Место намоленное было, там крест какой-то явился, там вот надо было строить <часовню>»* (А. М. Королева, пос. Рябиново). Текст был

записан от переселенки из д. Урол, где в настоящее время этот сюжет уже забыт. В семейном фольклоре информанта он сохраняется, так как связан со значимыми фигурами матери и ее дяди — очень верующего человека, который «видел на небе буквы славянские» и предсказывал будущее, поскольку «много книг читал церковных». Сама информантка и ее сестра в молодости были атеистками, но с возрастом пришли к вере (сын сестры даже стал священником).

Итак, материал, собранный в Чердынском районе, позволяет судить о состоянии фольклорной традиции, формирующей локальное самосознание местных жителей. Коллективная память сохраняет сведения о событиях и фигурах общенационального масштаба, которые тесно связаны с региональной историей: христианизацией и заселением края (Стефан Пермский, Ермак; истории о первопоселенцах), набегам манси и сибирских татар. Отметим, что тематическая группа преданий, отражающих так называемый «татарско-вогульский след», до сих пор исследована недостаточно: не определен круг входящих в нее сюжетов, не выявлен полностью ареал бытования. Что касается событий локального масштаба, в основном они представлены в сюжетах об основании и наименовании населенных пунктов, в рассказах о «святых» местах (где явился крест, икона и т. п.). Зачастую локальный фольклор тесно переплетается с семейным и продолжает бытовать как узкое знание нескольких семей. К сожалению, нужно констатировать, что обширный пласт исторического фольклора выходит из бытования в связи с быстрым исчезновением малых деревень (д. Корнино, Амбор, Б. и М. Долды, Яранина, Коэпты, Исток) или уходом старожилов — хранителей традиции (с. Пянтег, Редикор. Д. Урол). Запись многих из представленных текстов можно считать собирательской удачей; уже через некоторое время их вряд ли можно будет зафиксировать повторно.

1. Защитники Перми Великой / авт.-сост. Ю. А. Бастылев, М. И. Ветчакова. Пермь ; Чердынь, 2007.

2. *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.

3. *Разумова И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. М., 2001.

4. *Фишман О. М.* Локальная история в преданиях и легендах тихвинских карел: историческая память как категория культуры // Фишман О. М. Жизнь по вере: Тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003. С. 73–111.

5. *Чагин Г. Н.* История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века. Пермь, 1999.